

РОСТИСЛАВ
ФАДЕЕВ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ростислав Фадеев

**Кавказская война
Российской Империи**

«Алисторус»

1860

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Фадеев Р. А.

Кавказская война Российской Империи / Р. А. Фадеев —
«Алисторус», 1860

ISBN 978-5-907351-68-4

Имя генерала Ростислава Андреевича Фадеева сегодня несправедливо забыто. Между тем он был ярким, неординарным человеком, бесстрашным героем Кавказской войны и выдающимся мыслителем - геополитиком и социологом. Специалисты считают, что работы Фадеева являются лучшим исследованием восточной политики России. Блестящий литературный стиль, острота и парадоксальность мысли делают чтение фадеевских сочинений настоящим «пиршеством разума». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-907351-68-4

© Фадеев Р. А., 1860
© Алисторус, 1860

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ростислав Андреевич Фадеев

Кавказская война Российской Империи

Часть 1

Покорение русскими Кавказа

В сентябре 1859 года Россия прочитала с удивлением, едва веря своим глазам, телеграфические донесения князя Барятинского государю императору, извещавшие, «что восточный Кавказ покорен от моря Каспийского до военно-грузинской дороги». Что «Шамиль взят и отправлен в Петербург»; русское общество знало, хотя и смутно, что в последнее время дела пошли на Кавказе хорошо, но далеко еще не ждало такого быстрого конца.

Кавказская война продолжалась шестьдесят лет¹. Россия привыкла мало-помалу к мысли, что такое положение дел естественно и должно длиться чуть ли не вечно, тем больше, что Кавказ около полувека оставался в совершенной тени и публика судила о нем по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на пятигорские воды. С 1845 года стали печатать в газетах извлечения из реляций; но они могли осветить дело только для человека, знакомого с Кавказом. При чрезвычайном разнообразии этой обширной страны самый зрелый опыт, приобретенный на одном из ее военных театров, не дает еще никакой возможности правильно судить о другом; издали все сливалось в один неопределенный образ, самые коренные изменения в положении вещей сглаживались, и мыслящий русский человек, незнакомый с Кавказом, не мог, разумеется, связать разноречащих событий и приходил поневоле, отыскивая решения этой задачи, к самым невероятным заключениям. Наше общество, в массе, не сознавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими пожертвованиями добивалось покорения гор. Страны, составляющие Кавказское наместничество, богатые природою, поставленные в удивительном географическом положении для высокого развития в будущем, все-таки, с чисто экономической точки зрения, независимо от других соображений, не могли вознаградить понесенных для обладания ими жертв. На Кавказе решался вопрос не экономический или если даже отчасти экономический, то не заключенный в пределах этой страны. Понятно, что для большинства общества этот вопрос, необъяснимый прямой перспективой дела, оставался темным. Покорение восточных гор обрадовало Россию в ее патриотизме, как победа над упорным врагом, независимо от громадного значения этого события, гораздо яснее понимаемого до сих пор за границей, чем у нас. Утверждение бесспорного русского владычества на кавказском перешейке заключает в себе столько последствий, необходимых или возможных, прямых и косвенных, что покуда еще невозможно обнять их разом; они будут выказываться

¹ Впервые русские войска совершили поход на Кавказ в 1594 году, в царствование Бориса Годунова (если оставить в стороне походы древних руссов IX–X веков, войны Святослава Киевского и историю Тмутараканского княжества). Кампании на Кавказе и в Закавказье вел Петр I и его ближайшие преемники. В царствование Екатерины II началось более или менее планомерное продвижение русских войск и русской администрации на Кавказ. В дореволюционной историографии общепринятым был взгляд (который разделяет и Фадеев) о том, что начало Кавказской войны совпало с присоединением к Российской империи Восточно-Грузинского (Картлийского) царства (см. ниже). В советской историографии в свое время было принято отсчитывать начало Кавказской войны с 1817 года – с момента принятия должности главнокомандующего Ермоловым и начала им планомерных кампаний против горских племен (в «Письмах с Кавказа», написанных через четыре года после «Шестидесяти лет Кавказской войны», Фадеев высказывается в пользу этой даты ее начала). Есть и еще одно заслуживающее внимания мнение – отсчет начала Кавказской войны с 1785 года, когда русские войска в ходе движения шейха Мансура впервые столкнулись с учением и практикой мюридизма, которые были столь характерны для основных кампаний Кавказской войны в XIX веке, и наиболее ярким представителем и руководителем которых был Шамиль. [Примечания Р.А. Фадеева помечены «Авт». Остальные примечания от С.М. Сергеева.]

одно за другим, такую длинную цепью, что разве следующее поколение будет знать весь объем событий 1859 года.

Покуда еще нельзя писать историю русского владычества на Кавказе. Для истории такого долгого и сложного периода нужна предварительная разработка материалов, заваливших в продолжение шестидесяти лет многие архивы; к этому недавно только приступила особая комиссия. Когда-нибудь Россия прочтет полную историю Кавказской войны, составляющей один из великих и занимательнейших эпизодов нашей истории, не только по важности вопросов, решенных русским оружием в этом отдаленном углу империи, но и по чрезвычайному напряжению человеческого духа, которым борьба ознаменовалась с обеих сторон; по неслыханному упорству, с которым она продолжалась десятки лет, беспрерывно видоизменяясь в своем характере; по особой нравственной физиономии, если можно сказать, запечатлевшей сотни тысяч русских, передвинутых на Кавказ. Приступать к такому труду нельзя вполнину; но можно показать наглядно смысл событий Кавказской войны в их причинах, движении и результате. В этом состоит цель предстоящей книги. Каждый русский должен знать, хотя в главных чертах, что делается на Кавказе, где бьются десятки тысяч его соотечественников.

Начало Кавказской войны совпадает с первым годом текущего столетия, когда Россия приняла под свою власть Грузинское царство². Это событие определило новые отношения государства к полудиким племенам Кавказа; из заграничных и чуждых нам они сделались внутренними, и Россия необходимо должна была подчинить их своей власти. Отсюда возникла многолетняя и кровавая борьба, до сих пор еще не совсем конченная. Кавказ потребовал больших жертв; но чего бы он ни стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться, потому что занятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием в русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собою. Еще в шестнадцатом столетии, когда русский народ уединенно вырастал на берегах Оки и Волхова, отделенный от Кавказа дикою пустыней, священные обязанности и великие надежды приковывали к этому краю внимание первых царей. Домашняя борьба с мусульманством, давившим Россию со всех сторон, была решена. Чрез развалины татарских царств, основанных на русской почве, Московскому государству открылся обширный горизонт к югу и востоку; там, вдали, виднелись свободные моря, богатая торговля, единопольные народы – грузины и кавказские горцы, тогда еще наполовину христиане, протягивавшие руку России. С одной стороны, Волга выводила русских к Каспийскому морю, окруженному богатыми народами, не имевшими ни одной лодки, – к морю без хозяина; господство на этом море необходимо вело со временем к владычеству над раздробленными и бессильными владениями прикаспийского Кавказа. Европейская торговля, отыскивая доступ к золотым странам Востока, силилась пробить себе путь чрез московское государство и сопредельные с ним пустыни и увлекла за собой русских на дорогу, и без того указанную естественным положением их земли. С другой стороны, в Россию долетали стоны православной Грузии, стоптанной варварскими нашествиями, изнеможенной бесконечною борьбою, бившейся в это время уже не за право быть самостоятельным народом, а только за право не отречься от Христа. Мусульманское изуверство, распаленное пред этим новым учением шиитства, было в полном разгаре. Отчаявшись преодолеть твердость христианского племени, персияне систематически вырезывали население целых областей.

² Просьбы о принятии Россией в подданство грузинских царств были чуть ли не основным лейтмотивом русско-грузинских дипломатических сношений с конца XV века. В 1799 году император Павел I изъявил согласие на очередную просьбу царя Картли (область на востоке Грузии с центром в Тифлисе) Георгия XIII. По-видимому, особенное воздействие на решение императора, отличавшегося сентиментальным и рыцарственным характером, оказали известия об ужасном разгроме Тифлиса в 1795 году персидскими войсками. В 1799 году в Тифлис прибыл русский гарнизон и проведены церемония установления сюзеренитета России над Картли и принесение Георгием XIII присяги на подданство российским императорам.

Начиная с 16-го века почти каждое грузинское семейство могло молиться мученикам своей крови. В Москву одну за другой привозили грузинские святыни, спасаемые от поругания мусульман. И царь, и простолюдин с одинаковою скорбью слушали рассказы о неистовствах, совершаемых неверными над православным населением Грузии; самые сердечные чувства народа были задеты и влекли русских на путь, уже указанный и политикой, и торговлей. И действительно, с XVI века начались попытки русских царей, с одной стороны поддержать изнемогавшую Грузию, с другой – утвердить свое торговое и политическое господство в прикаспийских странах. Эти попытки продолжались, развиваясь все в больших размерах, до конца XVIII века. Сначала они представляли почти непреодолимые препятствия. Россия еще не соприкасалась с Кавказом; между ними лежала обширная пустыня, наполненная кочевыми хищниками и шайками бездомных удальцов, почти непроходимая. Но тем временем русский народ вырос, поселения раздвигались, пустыня превращалась понемногу в заселенные области. В начале XVIII века все пространство от Оки до устьей Дона и от Казани до Астрахани было уже занято цепью сел и городов. И с этого времени начинается целый ряд кавказских походов, совершенных при Петре Великом, Екатерине I, Анне Иоанновне, Екатерине II и Павле Петровиче; они становились все чаще по мере того, как Россия подвигалась к Кавказу. К концу века русское племя доросло до европейских рубежей своей земли – Черного моря и подножия Кавказа. Закавказские владения не были уже в отношении к России в таком географическом положении, в каком теперь находится Хива; планы Петра Великого могли быть приведены в исполнение без тех затруднений, которые им предстояли в 1722 году. В это самое время новый погром и новые неистовства со стороны мусульман постигли Грузию. Стоя на Тереке и на Кубани, Россия не могла ограничиться бесплодными сожалениями, как в 16-м веке, слушая рассказы о том, как на Курском мосту в Тифлисе персияне заставляли православных плевать в чудотворный образ Богородицы и свергали непокорных (а непокорными были все) с моста в Куру, скоро запруженную телами; или как две тысячи молельщиков Давидо-Гореджийской пустыни были по очереди подводимы под топор во время совершения заутрени на светлое воскресенье. Независимо от самых существенных интересов, по которым обладание Кавказом составляло уже тогда для Империи дело первой важности, с одной стороны религиозного вопроса Россия не могла отказать православной Грузии в защите, не переставая быть Россией. Манифестом 18 января 1801 года Павел Петрович принял Грузию в число русских областей, по завещанию последнего грузинского царя Георгия XIII.

В то время спор за господство на Черном море шел у нас только с одною Турцией. Но Турция была уже объявлена несостоятельною политически; она уже находилась под опекою Европы, которая ревниво блюла ее целость, потому что не могла принять равного участия в дележе. Несмотря на это искусственное равновесие, опертое на острие иглы, между великими державами начиналась борьба за преобладающее влияние на Турцию и все принадлежащее ей. Европа проникала в отжившую массу Азии с двух сторон, с запада и юга; для некоторых европейцев азиатские вопросы получили первостепенную, исключительную важность. В пределах Турции, если не действительных, то предполагаемых дипломатически, заключались Черное море и Закавказье; это государство простирало свои притязания до берега Каспийского моря и легко могло осуществить их первым успехом, одержанным над персиянами. Но неясно очерченная масса турецкой империи начинала уже переходить из одного влияния под другое. Было очевидно, что спор за Черное море, за все воды и земли, на которые простирались притязания Турции, рано или поздно, при первом удобном политическом сочетании, станет спором европейским и будет обращен против нас, потому что вопросы о западном влиянии или господстве в Азии не терпят раздела; соперник там смертелен для европейского могущества. Чье бы влияние или господство ни простерлось на эти страны (между которыми были земли без хозяина, как, например, весь кавказский перешеек), оно стало бы во враждебные отношения к нам. Между тем владычество на Черном и Каспийском морях, или в случае крайности, хоть

нейтралитет этих морей, составляет жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма, в которой все более и более сосредотачиваются главные силы империи, и личные, и материальные. Эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем. До завоевания Екатерины она была в таком же положении, как теперь Уральский край и южная Сибирь, поселениями вдвинутыми в безвыходную степь; владение берегом сделало ее самостоятельной и самую богатую частью империи. Через несколько лет, с устройством закавказской железной дороги, которая необходимо привлечет к себе обширную трапезондтскую торговлю с верхней Азией, при быстром развитии волжского и морского пароходства, при составившейся компании азиатской торговли, пустынное Каспийское море создаст для юго-восточной России то же положение, какое Черное море уже создало для юго-западной. Но охранять свои южные бассейны Россия может только с кавказского перешейка; континентальному государству, как наше, нельзя ни поддержать своего значения, ни заставить уважать свою волю там, куда его пушки не могут дойти по твердой почве. Если б горизонт России замыкался к югу снежными вершинами Кавказского хребта, весь западный материк Азии находился бы совершенно вне нашего влияния и при нынешнем бессилии Турции и Персии, не долго бы дождался хозяина или хозяев. Южные русские области упирались бы не в свободные воды, но в бассейны и земли, подчиненные враждебному влиянию. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее на кавказском перешейке, может обхватить южные берега этих морей, протянувши руки в обе стороны.

Враждебное влияние не остановилось бы на кавказском перешейке. Ряд водных бассейнов, вдвинутых в глубь азиатского материка, от Дарданелл до Аральского моря, с его судходным притоком Амударьей, прорезывающим всю Среднюю Азию почти до индийской границы, – слишком заманчивый путь для торговли, пробивающейся теперь через бездорожные хребты и высокие плоскости Армении и Азербайджана. Европейская торговля с Азией шла этим путем тысячи лет, была прервана турками, когда они, взявши Константинополь, заперли Черное море, и возобновилась бы в начале этого века, если б кавказский перешеек оставался без владыки. Но кто не знает, что такое европейская торговля в Азии? Соприкосновение двух пород столь неравных сил начинается там ситцами, а кончается созданием подвластной империи в 150 миллионов жителей³. Если б торговля некоторых европейцев установилась по направлению внутренних азиатских бассейнов сама собою, до или помимо нашего господства за Кавказом, путь ее был бы пределом наших отношений к Азии. Все лежащее за чертой, протянутой от устья Кубани к северному берегу Аральского моря и дальше, было бы слито в одну враждебную нам группу, и мы выиграли бы только то, что вся южная граница империи на несколько тысяч верст, от Крыма до Китая, сделалась бы границей в полном смысле слова, потребовала бы крепостей и армии для своего охранения; чистая выгода в смысле «мирного развития внутренних сил государства». Для обороны кавказской линии пришлось бы, вероятно, употребить те же войска, какие занимают ее теперь, но уже без всякой надежды на окончание этого положения. Европейская торговля с Персией и внутренней Азией, проходящая чрез кавказский перешеек, подчиненный русскому господству, обещает государству положительные выгоды; та же самая торговля, прошедшая чрез Кавказ, независимый от нас, создала бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей. Кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока; это до того известно нашим недоброжелателям, что во время истекшей войны нельзя было открыть английской брошюры, чтобы не найти в ней толков о средстве очистить Закавказье от русских. Но если отношения к востоку составляют вопрос первой важности для других, то для России они осуществляют историческую необходимость, уклониться от которой не в ее власти.

³ Фадеев имеет в виду создание подвластной Великобритании Индийской империи, ставшее результатом деятельности Ост-Индской торговой компании.

Россия на пространстве десяти тысяч верст не соприкасается, но смешивается с мусульманской и языческой Азией. Пределы ее выдвигаются вперед не вследствие одних политических расчетов, но по требованию домашнего управления и внутреннего хозяйства, как обработанные поля владельца, поселившегося в новой, никому не принадлежащей земле. За русским рубежом и до самого края земли все в Азии тлеет и разрушается. Азиатские общества держались века, как труп, до которого не касается воздух в могиле, держались отсутствием посторонней стихии; как только живые силы Европы дохнули на них, они стали рассыпаться. Нынешние народы западной половины Азии давно уже перестали быть общественными организмами; они сделались численным собранием мусульман, случайно, без малейшего сочувствия соединенных под тою или другою местною властью. Исламизм проник во все их общественные поры и совершенно вытеснил народность, как известковый раствор вытесняет мало-помалу все вещество древней раковины, облекаясь в ее форму; он овладел всем человеком и окаменил его в однажды данной форме, не оставляя никакого места ни общественному, ни личному развитию, не проистекающему из Корана. Гражданское устройство мусульманских народов, их суд, финансы, личные и семейные отношения установлены по шариату, неизменному до конца мира, как непреложное откровение. Личность человека усыплена в мусульманстве еще более, чем общество. В этом отношении исламизм вполне может назваться рассудочной религией; он объясняет мир и ставит человеку цель рассудительно, естественно, довольно близко ко всемирному преданию, понятно для всякого ума и потому совершенно удовлетворительно; но в то же время без малейшего нравственного идеала, который мог бы освятить душу. Исламизм берет человеческую природу, как она есть со всем ее светом и со всею ее грязью, благословляет в ней все одинаково, дает законный исход хорошему и дурному, обещая продолжение такого состояния в самой вечности. Обязанности, налагаемые этой религией, состоят в легкой обрядности и ненависти к неверным. Мусульманин выносит из своей веры достаточное удовлетворение умственное и невозмутимое довольство самим собою. Это настроение необходимо разрешается на практике крайней апатией. К чему может стремиться человек, когда он есть уже все, чем должен быть, человек, которого не гложет сомнение, но не манит также никакой идеал? Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает вновь, чему примером служит Кавказ. Могущество первого взрыва мусульманства происходит именно от освящения дурных сторон человеческой природы – разнузданности страстей, зверства, фанатизма.

В сущности, исламизм есть религия страсти, учение в полном смысле поджигательное; он воспламеняет людей, удваивает их силы, делает их способными к великим вещам настолько, насколько в человеке или целом народе достает горячего материала. Когда нравственный пожар кончится, от мусульманства останется только пепел, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатия пьяницы с похмелья. В три века исламизм исчерпал до дна свое неглубокое содержание и с тех пор застыл как труп. Кто видел и знает, до какой степени нынешним азиатцам чужды понятия об отечестве, о всяком общественном интересе, о первых обязанностях гражданина; до какой степени они равнодушны к тому, что люди называют своей землей, лишь бы не было возмущено их личное спокойствие; в какой мере они презирают свои правительства, не помышляя даже об их улучшении; как мало трогают их отечественные события, – тот не может ни на минуту сомневаться, что последний час пробил для этих человеческих скопищ, лишенных всякой внутренней связи. Усилия некоторых мусульманских правительств преобразовать государство на европейский лад разрушили последнее основание этих дряхлых народов – веру. Общественный закон всех мусульман – шариат – есть откровение; уничтожить или изменить его – значит отвергнуть слово божие. Реформы в Азии, с одной стороны, оттолкнули от власти массы, привели их в брожение, создали мусульманское франкмасонство, весьма похожее на мюридизм в его начале, обвивавшее тайными ложами большую часть мусульманского мира; с другой – создали официальный класс образованных

мусульман, которые верят в одни только деньги, кто бы их ни давал. Что будет с Азией, разгадать этого еще нельзя; но в таком виде, как теперь, она не может существовать. Или в ней совершится внутренний переворот, чего не видать и признака, или она сделается добычей. Во всяком случае Россия не может допустить, чтобы без ее участия устроилась судьба целой части света, с которой она слита почти безраздельно, с которой она живет, можно сказать, под одной кровлей. Решение спора христианства с исламом, покинутое Европою с 14-го века, с того же времени как бы свыше предоставлено одной России и сделалось, сознательно или бессознательно, ее народным делом. Все ее сочувствия и все интересы, даже независимо от ее воли, из века в век, периодически ставят ее лицом к лицу против всевозможных видоизменений этого вопроса.

Но действительная связь России с Азией, узел их – на Кавказе. На всем остальном пространстве между оседлой Азией и русской границей, от Амура до Каспийского моря, тянется пустыня, которая к концу века будет уже, может быть, несколько населена и станет удобопроходимой; но до тех пор многое может случиться. Через кавказский перешеек и его домашний бассейн – Каспийское море Россия соприкасается непосредственно со всей массой мусульманской Азии. С кавказского перешейка Россия может достать всюду, куда ей будет нужно; и здесь же именно полувековая борьба с мусульманским фанатизмом создала единственную армию, которая может выносить, без расстройств, бесконечные лишения азиатских походов.

Для России кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которую заставлена средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью. Но куда русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах. Выбитый из европейской России, исламизм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собою естественную ограду Азии и мусульманского мира – Кавказский хребет, – и достиг цели. Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет продолжался штурм этой гигантской крепости; вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в кавказских горах. Борьба была неистовая, жертвоприношения страшные. Россия не отставала и преодолела, зная, что великим народам, на пути к назначенной им цели, полагаются и препятствия в меру их силы.

* * *

Весной 1801 года генерал Кнорринг принял Грузию под русскую власть⁴. В это время все страны Кавказа, и горы, и загорные области, находились в состоянии совершеннейшего хаоса; общество здесь распадалось не от внутреннего истребления, но от бесконечного и неслыханного внешнего насилия. Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок. Стоит только вспомнить, что целые войска мамелюков и багдадских гурджей были поголовно составлены из кавказских невольников; что первоначальные янычары имели такое же происхождение; что все белые невольники Турции и Персии вывозились с Кавказа; что турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами и что этой причиной этнология объясняет изменение типа Османовой орды в нынешний турецкий; стоит только соединить эти факты, чтобы представить себе положение, из которого русская сила извлекла Кавказ. С тех пор как грузинское царство, властвовавшее прежде над горами, было стоптано нашествием Чингисхановой орды, всякая

⁴ 18 января 1801 г. император Павел I по просьбе умирающего Царя Георгия XIII (скончался 28 декабря 1800 года) издал манифест о принятии населения Грузии в подданство Российской империи, а в феврале 1801 года от населения Грузии была принята присяга на верность новому государю Грузии Павлу I. Таким образом Грузинское царство было упразднено. Принятие присяги провел и принял власть в Грузии военный губернатор, командующий войсками на Кавказской линии генерал Кнорринг.

мысль о праве и порядке исчезла с кавказского перешейка. Здешние племена разделились на две стороны – на охотников и на добычу, смотря по тому, где они жили – в непроходимой тущобе или на открытых полях. Но и это различие со временем исчезло. Приучаемые с детства к ловле людей, горцы так сроднились с этим ремеслом, что перенесли его в собственные ущелья. Возвращаясь с охоты в чужом краю, они ставили ловушку соседу, крали его детей, подчас продавали собственных. Землей и морем отправлялись с Кавказа грузы невольников, но только не черных, как на Гвинейском берегу, а людей европейского племени, по большей части христиан. В полном 18-м столетии Кавказ жил жизнью доисторических времен, когда такими же средствами закладывалась для древних обществ основа всемирного невольничества.

Принятие Грузии под русскую власть положило конец этому позору, но не разом. Чтоб очистить Закавказье от лезгинских шаек, надобно было, в продолжение 15 лет, истреблять их, как истребляют хищных зверей; а в это время русские силы за горами были не велики и заняты более серьезною борьбою. Персия и Турция, разделенные три века непримиримою враждою, восстали заодно против христианского владычества за Кавказом; нашим войскам пришлось вести многолетнюю и упорную войну в пропорции одного против десяти⁵. К счастью, в это время мусульманские государства уже отжили свой век и сохранили одну наружность прежнего могущества; первая встреча с европейцами разоблачила их бессилие. Тем не менее численные силы Персии и Турции были так велики, усилия этих государств выбить нас из Закавказья так настойчивы, что небольшой грузинский корпус должен был почти весь сосредоточиться на южной границе; для защиты закавказских областей от горцев оставалось несколько батальонов, которые не могли вносить войну в горы и ограничивались по необходимости преследованием разбойничьих шаек внутри края. Наступательная война против горцев началась действительно только с назначением главноуправляющим кавказским краем генерала Ермолова в 1816 году.

В то время весь горный пояс кавказского перешейка, вплоть от Черного до Каспийского моря в длину, от Кубани и Терека до южного склона хребта в ширину, был занят независимыми и враждебными нам племенами. Только две дороги связывали закавказские области с Россией: одна Дарьяльская, проложенная с незапамятных времен по ущелью Терека чрез самую средину Кавказского хребта, другая по берегу Каспийского моря. И там и здесь могли проходить лишь колонны, готовые всякую минуту дать отпор неприятелю. Население гор, несмотря на коренные различия между племенами по наружному типу и языку, всегда было проникнуто совершенно одинаковым характером в отношении к соседям, кто бы они ни были: характером людей, до того сроднившихся с хищничеством, что оно перешло к ним в кровь, образовало из них хищную породу, почти в зоологическом смысле слова. Кавказские горцы, в течение тысячелетий, не заимствовали от окружающих ничего, кроме усовершенствований в оружии; в этом деле они были в высокой степени переимчивы; во всем прочем между ними и соседями не происходило никакого умственного соприкосновения. Обрывки племен, которых след давно исчез на земле, кавказские общества сохранили в своих бездонных ущельях первобытный образ, как сохраняются остатки старины в могилах. Их разделяли от подгорных жителей не только заоблачные хребты, но ряды веков, протекших с того времени, когда они выделились из человеческой семьи. Без общения с соседями, горские племена не общались и между собою, и понемногу каждое племя утратило чувство своего кровного единства, распалось на мелкие общества, ограниченные пространством одной горной долины. Тут было единственное отечество горца, единственный угол на земле, в котором он признавал за людьми право жить; на весь прочий мир он смотрел враждебно и считал его законной добычей. Теперь только одна филология может восстановить исторический тип племен, заселивших Кавказ, связать

⁵ Фадеев говорит о русско-персидской войне 1804–1813 годов и русско-турецкой войне 1806–1812 годов. Вследствие географического положения Закавказья события этих войн переплетались и русским войскам в Закавказье (Отдельный Грузинский корпус) пришлось фактически вести очень сложную войну против двух противников, дополняемую постоянными кампаниями против горцев.

их с чем-нибудь существующим или существовавшим. На изорванных ребрах Кавказа остались следы всех переселений белой породы, исторических и доисторических, как на колючем заборе шерсть от прогоняемых стад. Эти обрывки зарылись в недосыгаемые ущелья, окаменели в своем первообразном виде и теперь представляют сборник живых образцов из эпохи, от которой не осталось людям ничего, кроме нескольких непонятных преданий. Но пока еще наука не коснулась этого предмета, мы знаем наглядно, что Кавказский хребет заселен семью совершенно различными народами. Дагестан, покорный и непокорный, занимают три племени, которых русские окрестили общим названием лезгин, но которые рознятся коренным образом и языком, и наружным видом. Первое племя – цунта, живет вдоль станового хребта, обращенного к Грузии; второе – аварское, засело в северной части нагорного Дагестана; третье – казикумухское, занимает страну на восток от этих племен до Каспийского моря. На северном склоне горного хребта, перерезывающего группу восточного Кавказа диагонально от Ю.-З. к С.-В., живет чеченское племя, которое называет себя нохче. Середина Кавказского хребта, самая узкая и высокая, заселена осетинами (ирон), племенем сравнительно новейшим, потому что некоторый, хотя и слабый след его переселения на Кавказ еще мерцает в истории. Вся западная группа Кавказа занята многочисленным народом адыгов, обыкновенно называемых черкесами, которые заселили также и кабардинскую равнину, но уже в позднейшие века. Наконец, в углу между западным хребтом, Черным морем и Мингрелией основалось абхазское племя.

Население гор, состоящее из этих семи первобытных народов, простиралось в старину довольно далеко во все стороны по смежным равнинам; оно было заперто в ущельях Кавказа нашествием татарской орды Чингисхана, составившей последний племенной наплыв на кавказском перешейке. Татары заняли подгорные страны с трех сторон и в середине Кавказского хребта, между осетинами и адыгами врезались в глубину гор, истребив туземцев. Но, кроме того, в некоторых долинах Кавказа, самых Диких и недоступных, на некоторых террасах, отдельно возвышающихся посреди хаоса скал и отрогов, сохранились урывки племен в одну, две, три деревни, населенные людьми, языка которых никто не понимает; таких исключений можно насчитать довольно много. Различие между племенами Кавказа состоит не только в языке, но и в наружности; самый духовный склад человека весьма отличен и доказывает, что эти племена оторвались от своих корней на степени развития далеко не одинаковой. Между тем, как сильный народ адыгов представляет общественное состояние, поразительно сходное с варварским бытом V и VI века, основанное на сознанном праве и потому заключающее в себе зародыши возможного развития, если б этот народ находился в другом положении; в то же время большая часть лезгин нагорного Дагестана и чеченцы составляют тип общества, до того распавшегося, что от него не осталось ничего, кроме отдельных лиц, которые терпят друг друга только из страха кровной мести. Влияние исламизма, утвердившегося в приморском Дагестане, еще при Аббасидах, наложило на восточные лезгинские племена некоторый оттенок гражданского устройства, хотя бы тем, что подчинило их наследственным владетелям, которые могли своему подданному резать голову безнаказанно и не опасаясь мести за кровь, если могли только с ним сладить. Просвещение христианством южных горских племен цунтинского и осетинского, предпринятое в славный период грузинского царства, исчезло вместе с значением Грузии, не оставив в первом племени даже следов и оставив во втором одни смутные воспоминания. Все остальное население гор, особенно восточной половины Кавказа, оставалось целые тысячелетия недоступным постороннему влиянию. Замкнутые в своих неприступных ущельях, кавказские горцы сходили на равнину только для грабежа и убийства; дома дни их проходили в самой тупоумной праздности. И теперь горец, имеющий какое-нибудь состояние, с утра до вечера неподвижно сидит в дверях сакли и режет ножом палочку.

Религия, если только до последнего времени у восточных кавказских племен существовала другая религия, кроме шаманства, давно была позабыта, не оставив и следа мысли о высшем мире, и тени понятия о какой-либо обязанности, ничего, кроме боязни некоторых

нечистых влияний. Без надежды, без ответственности и без мышлений, без отечества, кроме нескольких домов своей деревни, живя разбоем и не боясь за него никакой отплаты в своем полувоздушном гнезде, проводя таким образом века за веками, кавказский горец выделал себе природу плотоядного зверя, который бессмысленно лежит на солнце, пока не чувствует голода, и потом терзает жертву без злобы и без угрызений. С XIII века развилась на Кавказе, как промышленность, охота за людьми для продажи и низвела понятия горца на последнюю степень растления; он стал понимать значение человека только в смысле промена на серебряную гайку. Со всем тем, это нужно заметить тут же, развращение кавказских племен было только наружное. Горец был как ребенок, воспитанный в дурных примерах, перенявший их безотчетно, но сохранивший еще всю свежесть своей спящей души; он никогда не упал до степени гвинейского негра, сохраняя над ним неизмеримые преимущества своей чистой, богато одаренной яфетической породы. Мюридизм доказал, как девственна еще была душа этих людей, сколько пламени, самоотвержения, религиозности обнаружила в них первая общая идея, проникшая в их мысль. Всю энергию, развитую веками боевой жизни, горцы отдали на служение ей. До тех пор они были воинами только для войны – разбойниками или наемными солдатами. Единственные войска, которые Восток, после охлаждения первого взрыва мусульманства, мог противопоставлять европейцам, были всегда составлены из кавказцев; чистые азиатские армии никогда не могли выдержать европейского напора иначе, как при несоразмерном численном превосходстве. В отношении военной энергии сравнивать кавказских горцев с алжирскими арабами или кабилами, из которых французское краснбайство сделало страшных противников, может быть только смешно. Никогда алжирцы ни в каком числе не могли взять блокаду, защищаемого 25 солдатами. Адыги и лезгины брали голыми руками крепости, где сидел целый кавказский батальон; они шли на картечь и штыки неустрашимых людей, решившихся умереть до одного, взрывавших в последнюю минуту пороховые магазины, и все-таки – шли; заваливали ров и покрывали бруствер своими телами, взлетали на воздух вместе с защитниками, но овладевали крепостью.

В восьмидесятих годах разбой в беззащитном подгорном крае был главным ремеслом горцев. Какие договоры были возможны с подобными людьми, разделенными вдобавок на сотни независимых обществ? Когда в первое время русского владычества в Грузии кавказское начальство потребовало от кюринского общества, сравнительно образованнейшего между лезгинами, чтобы оно уняло своих разбойников, кюринские старшины отвечали: мы честные люди, земли пахать не любим, живем и будем жить разбоем, как жили наши отцы и деды. Какими средствами, кроме оружия, можно было обуздать горские племена? А между тем они отделяли закавказские области от России сплошным поясом в 200 и 250 верст ширины, и мы не имели других сообщений с новыми владениями, как чрез этот неприязненный край. Чтобы владеть Закавказьем, надо было покорить Кавказ.

Исполнение этого дела в самом начале было несравненно легче, чем теперь. Тогда непокорные горы состояли из одной восточной группы; западный Кавказ номинально принадлежал еще Турции и достаточно охранялся жившими на пограничной черте черноморскими и линейными казаками, не отвлекая наших сил. В двадцатых годах между горскими обществами не существовало никакой политической связи, даже редко обнаруживалось сочувствие. Когда шло дело о набеге в наши пределы, удалыцы из разных племен стекались под начальство известного в горах атамана и потом расходились по домам. Это был союз частных людей, в котором общества не принимали никакого участия. Не было в виду добычи, не было и союза. Оттого, при нашем наступлении, каждое общество защищалось и покорялось отдельно. Мусульманского фанатизма у горцев еще не существовало, как не существовало и самой религии, кроме названия, и потому совесть их не тревожилась, признавая власть гяуров. Защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Наконец, сила регулярного оружия против людей, не видавших ничего подобного, на первых порах была неотразима. В

двадцатых годах горцы решительно не выдерживали артиллерийского огня; несмотря на свою храбрость и ловкость, они были бессильны перед сомкнутой массой, как перед подвижной крепостью. Самые отважные разбойники не скоро и не легко превращаются в воинов. При таком положении дела отряд в несколько рот мог считаться на Кавказе самостоятельным и действовать наступательно против разделенного, равнодушного и неустроенного неприятеля. Затруднение состояло в одном: в бесконечном раздроблении военного театра на отдельные клетки, требующие каждая самостоятельной операции. Как бы ни было слабо сопротивление неприятеля, в такой загроможденной местности, как кавказская, нельзя делать прыжка через несколько клеток вдруг. Чтобы перевалиться из одной завоеванной долины в соседнюю, чрез едва проходимый горный хребет, нужно занять первую прочно, перенести в нее самое основание приготавливаемой экспедиции, иначе поход будет только набегом; а каких результатов ждать от набега в стране, где целый день надо лезть на одну гору, останавливаясь поминутно, чтобы перевести дыхание? Идти вперед – значит и значило на Кавказе подвигаться постепенно, прочно занимая каждую долину, для чего нужно одно из двух: или большую силу, или большое время. При первом условии мы могли действовать безостановочно, подаваясь со всех сторон от окружности к центру; при втором условии надо было ждать, чтобы вновь покоряемые общества привыкли к нашей власти, обратились бы в послушных данников, и тогда только, не боясь уже за свой тыл, предпринимать дальнейшее завоевание. В ту пору предпочли положиться на время. Тогда ничто еще не предсказывало будущего взрыва; по всей человеческой вероятности можно было думать, что, как бы ни были медленны наши действия, мы успеем покорить горцев прежде, чем они изменят своим тысячелетним привычкам; а между тем содержание войск на Кавказе стоило вдвое дороже, чем в России. На этом основании кавказский корпус был оставлен в прежних силах, несмотря на то, что сотни тысяч русских солдат возвратились из-за границы. Сорок пять тысяч человек должны были действовать в одно и то же время наступательно и оборонительно против враждебной страны в 1000 верст длиною, обхватывая ее с обеих сторон. При таких условиях действия с нашей стороны не могли быть решительными, несмотря на раздробленность неприятеля.

Генерал Ермолов не имел достаточно сил для того, чтобы вести несколько операций разом, и поневоле должен был ограничиваться необходимейшими. Со всем тем, много было совершено в этот период времени, недаром оставшийся в памяти России. Занятие Шахмальского владения, завоевание Кюринского и Казикумухского ханств, Акуши, большой и малой Кабарды, погром Чечни связали закавказские области с Россией двумя широкими поясами покорных стран, разрезали враждебный край на две отдельные группы без сообщения и сильно поколебали уверенность горцев в неодолимости их убежищ. Еще десять или пятнадцать лет подобных усилий, против подобного же неприятеля, вероятно, привели бы нас к желанной цели. Восточный Кавказ, окруженный со всех сторон нашими владениями, поглощавший наибольшую часть наших средств, был бы покорен. Но у нас не стало времени. Как только персидская и турецкая войны⁶ отвлекли русские силы к южной границе, религиозный заговор, несколько лет уже подрывавший втайне почву под нашими ногами, вдруг сбросил маску и увлек все население гор поголовно в беспощадную битву против христиан. Положение русского владычества на Кавказе внезапно изменилось.

Вероятно, еще не скоро сосчитают миллионы рублей и тысячи людей, которых стоит России появление в горах мюридизма. Влияние этого события простерлось далеко, гораздо дальше, чем кажется с первого раза. Во всяком случае, оно довольно важно для государства и в прошедшем, и в будущем, чтобы постараться определить его мысль.

⁶ В данном случае речь идет о русско-персидской войне 1826–1828 годов и русско-турецкой 1827–1829 годов, события которых для русских войск в Закавказье, как и в 1804–1813 годах, слились в одну войну против двух противников (трех, если считать и горцев).

Мусульманство зашло на Кавказ с двух разных сторон. Восточные горы приняли его от арабского халифата в 7-м и 8-м веке, западные от Турции в 17-м и 18-м. Глубина корней, которые исламу пустил на Кавказе, соответствует относительной древности этих эпох: в восточной половине он проник массу народа, в западной одно только высшее сословие. Этот факт объясняет, почему лезгины так скоро увлеклись мюридизмом и почему черкесы, несмотря на все усилия проповедников, так туго ему поддаются. Но и в восточной группе не все племена одинаково старые мусульмане. Магометанство в этом крае долго ограничивалось одним приморским Дагестаном, уравновешиваемое в горах влиянием христианской Грузии. Только с падением грузинского царства горские общества стали понемногу привыкать к обрядам исламизма, но держались их еще далеко не в равной степени, когда началась на Кавказе мюридическая проповедь.

Она разом увлекла старых мусульман приморского Дагестана; но в горах восторжествовала только после серьезной борьбы. До этого времени мусульманство было распространено на Кавказе, целые столетия не оказывая никакого влияния ни на общественное, ни на личное состояние горцев; все, что было сказано о племенах языческих, прилагается без перемены к племенам мусульманским; разница была только в бритых головах. Горцы потому и поддались исламу, что он оправдывал их свирепый характер, придавал ему законное освящение. Шариат проповедовал им личную месть дома, войну за веру на соседей, потакал страстям, не тревожил спокойствия совести никаким идеалом, ласкал надеждо соблазнительного рая, и все это за соблюдение нескольких ничтожных обрядов. Исламизм действовал в горах, как и везде. Шумное появление его на свете, имевшее бесчисленные материальные последствия, не имело никакого влияния на духовную сторону человека, не внесло ни одного нового побуждения в жизнь покорившихся ему народов.

Европейцы, наблюдавшие черные африканские племена, принявшие исламу, были поражены коренным бессилием этой религии в нравственном отношении; ничто не отличает негров мусульман от негров безверных, кроме чалмы на голове значительных лиц. Иначе и быть не может. Мусульманство, смотря по обстоятельствам, более или менее ему благоприятствующим, или вовсе вытравляет народность, оставляя на месте ее одно численное собрание единиц, или остается только внешним обрядом, без всякого отношения к жизни. Язычники еще не гражданственные, принявшие мусульманство, говорят Бог, вместо боги, совершают пять умовений в день и продолжают жить по-прежнему. Коран внушает им только невозмутимое довольство собою и фанатическую ненависть ко всему немусульманскому, апатию при обыкновенных обстоятельствах и нервический энтузиазм при взрыве фанатизма. Со всем тем, при первой, самой слабой степени развития, как только мусульманин начинает мыслить, он уже не может смотреть на мир глазами пантеиста язычника. Он видит в природе уже совсем другое, чем закон беспричинной необходимости, под властью которого человек так равнодушно проводит жизнь в полусонных мечтаниях. Озаренный идеею единого Бога, Творца и Промыслителя, мусульманин не считает себя минутным проявлением вечной силы, сознает свою свободную личность и чувствует естественное стремление к высшему образцу. Но, обращаясь к религии за удовлетворением этой первой потребности пробужденной души, находит в ней один бесплодный догматизм, без любви и без нравственного идеала. Трудно человеку помириться с таким положением. В продолжение веков лучшие люди мусульманского мира силились открыть в своем богословии ответ на голос совести и породили множество толков, различных в отношении теологическом, но различных в определении того коренного вопроса, как должен человек понимать свои обязанности перед Богом. Жажда более сердечного отношения к Творцу, чем исполнение материальных обрядов, и не доискавшись в своем законе любви, рьяные мусульманские учителя поневоле заменяли ее усердием – напряженной ненавистью к иноверцам и фанатическим преувеличением всех положений веры. Мюридизм есть последнее историческое явление в этом роде, самое преувеличенное из всех.

Происхождение мюридизма пытались связать с сектами Исмаэлитов и Гашишинов; появление его на Кавказе выводили из Бухары. В этом, может быть, и есть основание, но только оно не нужно для объяснения этого учения. Мюридизм мог родиться на Кавказе, как и теперь рождаются в Азии разные мусульманские толки, от естественной потребности духа, возбужденной, но не удовлетворенной Кораном; а развился он в таких размерах потому, что служил выражением главной страсти и главной черты исламизма, ненависти к неверным, в стране, занятой неверными. Мюридизм не создавал своего богословия; он разнится от веры, общей всем суннитам, только крайностью своих выводов. Проповедь его основана на особенном объяснении тариката⁷; части закона, содержащей учение об обязанностях человека. Но в этом отношении он превзошел всякую степень мусульманского изуверства и, можно думать, досказал последнее слово исламизма. Мюридизм выключил из жизни человека все человеческое и поставил ему два правила: ежеминутное приготовление к вечности и непрерывную войну против неверных, предоставляя на выбор – смерть или соблюдение этих правил во всей их фанатической жесткости. Шариат был восстановлен в первобытном виде. Над людьми проведен безусловный уровень, и различие между ними определилось только духовными степенями. Поборники мюридизма шли к своей цели кратчайшею дорогой и, не дожидаясь, чтобы чувство религиозного равенства утвердилось привычкою, предпочли утвердить его топором. Владетели, дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично до появления мюридизма были вырезаны один за другим, и в горах действительно устроилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кроме черных людей. За невесту, кто б она ни была, дочь ли первого наиба или последнего пастуха, вено определено неизменно в 1 руб. сер. Все, что напоминало старину, – пляски, игры, брянчанье на баладайте были объявлены светскими обрядами, достойными смерти. Безусловное повиновение старшему духовному, как в монастыре, сделалось первым долгом. Фанатизм и страх переломили людей, не признававших до тех пор ничего, кроме личного произвола.

Пожертвование имуществом, жизнью и семейством, когда того требовала власть, разумется, считались ни во что. Стремясь поработить себе людей всем существом – мыслью и совестью, – мюридизм должен был подчинить их всечасному надзору. Во всех горах над несколькими домами были поставлены мюриды, перед которыми открывались даже тайны азиатского терема; они отвечали за каждое действие, за весь домашний быт подчиненных им людей. Неукоснительное соблюдение самых мелочных обрядов веры составляло, естественно, первый закон нового учения; но оно этим не довольствовалось. Играя волею и привычками людей, мюридизм всякий день запрещал что-нибудь: сегодня курение табаку, общее всем мусульманам; завтра употребление чеснока, без которого горец жить не может, и так далее. Телесное наказание было насильно введено у людей, которые бывало считали стыдом, если кого-нибудь можно было попрекнуть тем, что его высекли ребенком. Подчинив себе человеческую жизнь во всей ее целостности, обратив, или стремясь, по крайней мере, обратить своих последователей в слепые орудия того, что он называл волею Божией, мюридизм, кроме того, окружил себя еще присяжными поборниками – муртазигатами и мюридами, людьми, оторванными от общества, предавшимися ему с закрытыми глазами, принесшими клятву биться до последнего издыхания и резать всякого, на кого им укажут, кто б он ни был, друг ли, отец ли. Эти люди стали посвященными братьями духовного ордена, пастухами человеческого стада, покоренного мюридизмом; им одним принадлежали власть и почет. Наконец, во главе этого чудовищного общества стоял имам⁸, посредник между Богом и верующими. Мюриды понимали титул имама в его пер-

⁷ Тарикат – от «тарика» (араб, «дорога, путь») – методика мистического усвоения ислама под руководством святого наставника (суфийская практика). К описываемому Фадеевым времени тарикат стал руководством по внутренней жизни низших структур иерархической организации суфизма, объединяющей массы послушников (мюридов).

⁸ Имам – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава исламской общины. Первым имамом считается пророк Мухаммад. В повседневной жизни имамом называют руководителя общей молитвой в мечети. Обязанность имама – следить

воначальном значении, в смысле наследника пророка, вдохновенного свыше, проникающего все семь смыслов Корана, поставленного над землей для исполнения слова Божия: поэтому всякое распоряжение власти являлось у них облеченным в характер непогрешимости и всякий нарушитель был врагом Божиим. Конечным последствием мюридизма было уничтожение в человеке идеи о личной ответственности. Перед каждым поставлен внешний закон, в буквальном исполнении которого он должен искать спасения; к каждому приставлен учитель, отвечающий за то, чтобы человек исполнял закон и спасался, волею или неволею. Мюридизм раздел жизнь донага и взамен всего, чего он лишил человека, наполнил его душу сумасбродствами мусульманского мистицизма. Этим средством он образовал невиданное до сих пор политическое общество в несколько сот тысяч людей, передавших в руки власти и волю, и совесть. Если не буквально, то, по крайней мере, в главных чертах, мюридизм осуществил этот идеал и сейчас же обратил созданное им братство в военную машину против нас.

Население гор переродилось. Повелевая всем и всеми беспрекословно, мюридизм заменил скудость своих средств энергией и в диких горах, целые тысячелетия отвергавших всякое гражданское устройство, создал общественную казну, провиантские магазины, пороховые заводы, артиллерию, крепости. Вместо отдельных обществ без связи и порядка нас встретила в горах сплошная масса, отражавшая каждый удар общим усилием. Когда наши войска вступали в земли какого-нибудь общества, жители волею и неволею покидали на жертву свои дома и хлеб своих семейств и скрывались в тущобах, куда каждый шаг с нашей стороны стоил огромных потерь. Потом женщин и детей, лишившихся дневного пропитания, размещали по соседним деревням и прокармливали как-нибудь до будущей жатвы; а мужчины, как стая голодных волков, бросались в наши пределы и жили разбоем. Умершие с голоду, как и падшие на войне, считались мучениками, достигшими наконец цели своей жизни. Мирные и немирные общества были почти в одинаковой степени заражены учением исправительного тариката. Разница между ними состояла только в относительной неприступности заселенных ими мест; одним этим они мерили свои отношения к русским. Но первое появление мюридов почти всегда служило сигналом к восстанию покорных племен. Мирная деревня, только что пройденная русской колонною, через час иногда обращалась в неприятельскую позицию. Где бы ни стоял русский отряд, тыл его не был никогда обеспечен. Неожиданно устремляясь то в одну, то в другую сторону, мюриды беспрестанно разжигали в крае пожар и заставляли наши колонны бросать начатое дело и бежать назад, для защиты таких мест, за которые никогда прежде не опасались. Увлекаемые фанатизмом, горцы не думали о завтрашнем дне и без вздоха покидали отцовский дом и маленьких детей, чтобы пойти резаться с русскими. И теперь еще, проезжая по Дагестану, видишь всюду каменные остовы деревень самой прочной, вековой постройки, совершенно пустые; жители их были у Шамиля; они бросили и родовое жилище, и привольные места, чтобы забиться на голые утесы, жить чем бог послал, но встречать гяура не иначе как с оружием в руках. Этот разгар неистового фанатизма начал потом остывать, но в продолжение пятнадцати лет кавказская земля буквально горела под русскими ногами. Мюридизм, как дикий зверь, грыз свою клетку, стараясь вырваться на волю. Если б русская сила не обхватила его железным поясом, можно быть уверенным, что он разлился бы По мусульманской Азии неудержимым потоком и теперь стремился бы к осуществлению второго халифата. Уж один титул имама, принятый начальниками мюридов, достаточно показывает, куда метило новое учение.

за правильностью воплощения религиозного закона в жизни общины. В понимании мусульман верховным имамом является халиф (титул этот, упраздненный Турецкой республикой в 1924 году, в описываемые Фадеевым времена носил турецкий султан). В объяснении Фадеева раскрывается понимание горцами-суннитами титула имама в реалиях шиитского толкования этого титула (имам как наследник пророка), что иллюстрирует суфийское происхождение кавказского мюридизма XVIII–XIX веков.

Мюридизм, со всеми оттенками, через которые он прошел, олицетворялся, можно сказать, воплощался в лице четырех человек, по очереди предводивших его судьбою. Первый был творец нового учения, мулла Магомет, кадий кюринский⁹. Он создал мысль и систему мюридизма, совершенно законченную, со всеми ее последствиями. В его сельской школе, в деревне Ярагларе, посреди русских владений, родилась и созрела мысль будущей борьбы; отсюда она была разнесена проповедью по Дагестану. В маленьком садике, который и теперь можно видеть, несколько темных мулл, учеников Магомета, держали в 1828 году последний совет, на котором было положено переобразовать исламизм и выбить русских с Кавказа. Последствия известны. Мулла Магомет был душою мюридизма, но сам никогда не выступал на сцену, не принимал начальства, даже не проповедовал публично. Он только создал учение и приготовил людей. Все предводители мюридизма вышли из его школы.

Знамя газавата, войны за веру, поднял его любимый ученик Кази-Мулла¹⁰ и разом увлек за собой весь приморский Дагестан¹¹. Кази-Мулла был неглубокий богослов и нехитрый политик, но человек, обладавший в высшей степени качеством, увлекающим массы, – страстным убеждением. Когда он говорил в народном собрании или обращался к войску во время боя, толпы покорялись ему, как один человек, жили только его волею. И теперь горцы, вспоминая о Кази-Мулле, говорят: «сердце человека прилипало к его губам: он одним дыханием будил в душе бурю». Рванувшись в первой горячке фанатизма в открытую борьбу с русскими, мюридизм сначала все поднял вокруг, выдержал много кровавых сечей, заставил нас напрячь силы, но наконец был сбит с приморской страны и загнан в горы, где еще немногие племена ему сочувствовали. Кази-Мулла погиб на завале в Гимрах.

На несколько лет мюридизм исчез с глаз, как будто его вовсе не бывало; о нем забыли. Но в это время он жил и работал всеми силами. Сбитый с поля, он засел в недоступных для нас горах и там, оболыщением и войною, изменою и открытою силою, соединял мало-помалу все горские племена под одну духовную власть. Предводителем его в это время был Гамзат-бек, человек, как будто нарочно созданный для подобной роли. Для мюридизма уже прошло время страстных увлечений и открытой борьбы. Ему приходилось пока действовать подземными путями, потихоньку, день за днем. Гамзат-бек, набожный, молчаливый и безжалостный, глубоко обдумывавший свои предприятия и исполнявший их быстро и без огласки «для бога, а не для себя», как говорил он, в три года достиг цели, утвердил мюридизм в горах на трупах друзей и недругов; ему было все равно. В этот-то период и были вырезаны лучшие люди в горах, для утверждения всеобщего равенства. Когда Гамзат-бек погиб под ударами убийц, мстивших за кровь¹², мюридизм уже владел горами и мог снова выйти на борьбу под начальством нового предводителя, Шамиля, также ученика муллы Магомета.

Утвердившись в горах, мюридизм перестал быть религиозной партией. Он образовал себе государство по своему образцу, и Шамиль, первый из предводителей этого учения, соединил в своем лице власть духовного начальника и народного правителя. Он действительно стал на высоте этого положения, слил горцев в одно общественное тело, создал средства, до него не виданные, осуществил политический идеал мюридизма, чудовищный, конечно, но верный своей цели. Упрочиваясь постепенно, по мере того, как укоренялась в горах привычка к

⁹ Кази-Магомет, авторитетный законоучитель и последователь тариката, осенью 1823 года объявил газават, т. е. всеобщую войну за веру. Его последователи начали пропаганду газавата во всех горских обществах. В 1825 году Кази-Магомет был арестован русскими властями, но сумел бежать и скрывался в горах.

¹⁰ Кази-Мулла (настоящее имя – Шах-Гази-хан-Мухамед, почему его иногда путают с Кази-Магометом), ученик и последователь Кази-Магомета. Кази-Магомет назначил его руководителем газавата и провозгласил имамом после упомянутого Фадеевым совещания в Ярагларе.

¹¹ Первое вооруженное выступление мюридизма состоялось в январе – феврале 1830 года в Дагестане под руководством Кази-Муллы (неудачное вторжение в Аварию). В 1831–1832 годах Кази-Мулла организовал и провел широкомасштабное восстание в Дагестане, в ходе подавления которого погиб.

¹² Гамзат-бек был убит в 1834 году.

повиновению и остывал фанатизм, власть Шамиля принимала оттенок обыкновенного азиатского деспотизма. Но в первое время своего начальствования Шамиль был имам, религиозный вождь, более всех своих предшественников; и в это время происходила самая кровавая борьба с мюридизмом, распространявшимся неудержимо во все стороны, пока наконец дело не дошло до того, что в 1843 г. Чечня была вырвана из наших рук, наши раздробленные и слабые войска сбиты с поля в Дагестан, и 5-й пехотный корпус должен был двинуться с Днестра на Кавказ, для восстановления проигранного дела.

Первый взрыв мюридизма удивил, конечно, но не озадачил кавказское начальство. Это был бунт покоренного мусульманского населения, дело неожиданное, но всегда возможное и потому совершенно ясное. Сначала бунт имел простор, оттого что большая часть наших войск была далеко, в глубине азиатской Турции. Но по заключении мира в Дагестан двинули достаточные силы, и возмущение приморского края было задавлено двумя походами 1831 и 1832 годов. Тогда мюридизм скрылся в непокорных горах, и мы потеряли его из виду. Считая все конченным, не обращали уже никакого внимания на внутренние распри лезгинских племен, распри, которыми мюридизм в несколько лет подчинил себе весь горный Дагестан. Совершенное пред тем по адрианопольскому трактату приобретение западных гор¹³ отвлекло в ту сторону главное внимание кавказского начальства. Подчинение русскому владычеству восточного берега Черного моря было, без сомнения, чрезвычайно важным событием, предавая нашей безраздельной власти весь кавказский перешеек; и как договор был только буквою, которой черкесские племена не хотели знать, то принудить их к покорности можно было одним оружием. В продолжение шести лет, с 1832 по 1839 год, главные силы кавказского корпуса, до тех пор действовавшие на восточном Кавказе, были исключительно обращены против западных гор, со стороны Кубани и Черного моря. В Чечне и Дагестане остались незначительные силы под управлением местных начальств, лишенных всякой самостоятельности. В настоящее время нельзя не видеть, что такое внезапное изменение образа действий было великою ошибкою. Конечно, империя должна во что бы то ни стало покорить весь Кавказ. Но завоевание западных гор не было первостепенным и самым спешным делом в Кавказской войне. Черкесы живут в углу страны, составляющей кавказское наместничество. С одной стороны они окружены русским населением кавказской линии, с другой – грузинским населением Имеретии и Мингрелии, твердо нам преданным. Как ни храбры горцы, они не могут одолеть в открытом бою регулярного войска и силою завладеть какою-либо частью края. Их вторжения опасны для нас только там, где они увлекают за собою фанатическое туземное население, противопоставляя нашему оружию бесчисленные препятствия народной войны. Непокорные племена западного Кавказа, многочисленные и отважные, но окруженные отовсюду христианскими народами, не могут предпринять ничего подобного и самою силою вещей безвыходно заключены в своей земле, лежащей в углу Кавказа, вдали от всех наших сообщений. Напротив того, непокорные племена восточного Кавказа были для нас чрезвычайно опасны. Два единственных сухопутных сообщения России с Закавказьем, по Дарьяльскому ущелью и по Каспийскому побережью, идут у самой подошвы восточной группы гор, огибая ее, так что малейший успех неприятеля в ту или другую сторону пресекал путь, соединяющий государство с его загорными областями. Восточная группа Кавказа лежит посреди мусульманской части наместничества, естественно сочувствовавшей единоверцам. В этих горах, наконец, только что было поднято знамя газавата, войны за веру; оттуда раздался призывный клич всем мусульманам – стать грудью против владычества гяуров. Подобное положение, опасное и в мирное время, могло стать гибельным при внешней азиатской войне; встречая неприятеля с лица, наши войска могли быть внезапно

¹³ По условиям Адрианопольского мира между Россией и Турцией (заключен в 1829 году по окончании русско-турецкой войны) во владение России перешла территория Западного Кавказа. Фактически контроль русской администрации над этой территорией был установлен только в 1864 году.

отрезаны с тыла. Восстание, произведенное мюридизмом, было подавлено в прикаспийском крае; но было известно также, что остатки его укрылись в Лезгистане.

После примера 1831 года благоразумие требовало продолжать настойчивее, чем когда-нибудь, начатое покорение восточных гор, еще по-прежнему разделенных на мелкие общества, и не ослабевать в усилиях до конца. Западному Кавказу пришла бы своя очередь. Но в то время увлеклись новостью приобретения и мыслью, несостоятельность которой выказалась вполне в 1854 году, о необходимости оградить эту часть владений, еще не покоренных, со стороны Черного моря. В продолжение шестилетних действий против западных гор мюридизм, явившийся в Лезгистане изгнанником, но не преследуемый с нашей стороны, разросся в страшную силу и покорил всю страну. Занятие нашими войсками Аварии, после того как мюриды истребили фамилию аварских ханов, подчиненных России, снова поставило нас лицом к лицу с мюридизмом. Надобно было оградить от врагов эту область, вдвинутую в самое сердце гор и подверженную нападению со всех сторон. Военные действия 1837 и 1838 годов, предпринятые местными средствами дагестанского отряда, обнаружили силу, до которой дорос мюридизм по нашей вине, и в 1839 году заставили опять перенести главные действия с западного Кавказа на восточный. Но дело было уже неисправимо. Генерал Граббе взял после кровопролитной осады Ахульго резиденцию Шамиля, истребил при этом цвет горской молодежи, стекшейся под знамена имама, заставил самого Шамиля бежать на другой конец гор, в Шатой; но мюридизм до такой степени успел укорениться в умах, что чрез несколько месяцев после нанесенного Шамилю поражения Чечня, бывшая до того нейтральной, сама восстала против нас и признала власть имама. Мюридизм овладел всею восточною группою Кавказа и обратил силы ее на газават, войну против неверных. Нельзя уже было надеяться подавить его в горах иначе, как покорив самые горы. Но для этого надобно было изменить всю систему войны. Мы имели теперь дело не с обществами, ничем не связанными между собою, сопротивлявшимся или покорявшимся отдельно, но с государством, самым воинственным и фанатическим, покорствующим перед властью, облеченною в непогрешимость, и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, защищенных страшною местностью; с государством, вдобавок, окруженным сочувствующими ему племенами, готовыми при каждом успехе единоверцев взяться за оружие и поставить наши войска между двух огней.

Очевидно, что при таком положении дела никакое вторжение в горы, предпринятое в смысле европейского похода, не могло иметь успеха, какие бы силы ни были для того употреблены. Цель подобного вторжения состоит в том, чтобы разбить вооруженные силы неприятеля, овладеть главными центрами его земли и, доведя его до невозможности, продолжать сопротивление, заставить принять наши условия. В Кавказских горах вооруженные силы – все жители, от двенадцати лет и до последней дряхлости. Центров населения там никаких нет. В Чечне жители разбросаны мелкими хуторами по дремучим лесам. В Дагестане больших аулов довольно много, но все они – крепости; большая же часть населения живет и там в маленьких деревушках, по несколько домов с башнями, наклепленных, как птичьи гнезда, по ребрам скал и горным карнизам. К чеченскому аулу надобно было продираться сквозь чащу, занятую неприятелем, ловким и быстрым, как лесные звери, и платить человеком за каждый шаг пути. Дагестанский аул надо было брать штурмом, карабкаясь по отвесной тропинке, под градом пуль и камней, сбрасываемых со скал. Подле чеченского хутора стоял другой хутор, подле горного аула другой аульчик, с которыми должно было повторять то же самое. И там, и здесь в наших руках оставались одни стены, потому что жители всегда успевали уйти. Продовольствовать войско надо было из своих пределов, ограничивая срок похода взятым провиантом, или посылать за ним колонну, с опасностью, что она будет истреблена, потому что пройденный путь смыкался за отрядом, как след лодки в воде. Жители, зная, что вся цель похода – разорение, стояли за свое имущество с ожесточением. Понятно, что при такой системе обороны, для разрушения всех чеченских хуторов и всех дагестанских аулов, не могло стать никакой армии,

хоть бы она была многочисленнее Батыевой. Покориться же отдельно, для избежания разорения, уже ни одно горское общество не могло, если б и хотело; совокупные силы мюридизма разгромили бы его. Для того чтобы заставить какую-нибудь часть гор признать нашу власть, необходимо было раскрыть ее постоянными сообщениями, сделать доступной во всякое время года, оградить туземное население войсками, возвратив им естественные преимущества регулярного оружия уничтожением тех препятствий, которые покровительствовали неприятелю. Одним словом, война должна была сделаться методическою, состоять в том, чтобы побеждать природу, побеждая людей на столько лишь, сколько было нужно для беспрепятственного производства наших работ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.